

Охотника на железы так и не поймали. Ци Хань передал Сюй Чжоу все имеющиеся у них сведения и лично подключился к расследованию. Взамен он потребовал доступ ко всем материалам по делу Фу Чжэньина.

— Зачем тебе эти документы? В том деле остались какие-то нестыковки?

Ци Хань плотно сжал губы:

— Я ищу одну очень важную вещь.

Как только организм восстановился, он тут же взялся за работу, принялся за расчистку торговой гильдии. Пока он лежал в больнице, слишком многие воспользовались случаем, чтобы проникнуть внутрь, и ему потребовалась целая неделя, чтобы выгрести всю эту гниль. А ведь были и более важные дела.

На третий день после выписки. Два часа ночи.

Ци Хань поднял голову от завала документов, откинулся в кресле и устало прикрыл глаза.

Сеть нитей тянулась глубоко в прошлое, распутывалась слой за слоем, пока он не добрался до нужного пункта. Маленькая, ничем не примечательная точка на карте — забытая рыбацкая деревушка на краю мира. Два дня назад он отправил туда всех, кто мог пригодиться.

И вот, в тишину ночи врезался резкий звонок.

Ци Хань сжал переносицу, глаза горели от напряжения. Он поднял трубку, голос был хриловатым от усталости:

— Да. Кто это?

— Глава Ци! Нашли его! Один старый рыбак говорит, что семнадцать лет назад действительно видел Фу Чжэньина в этих местах!

Ци Хань вздрогнул, будто удар током.

— Оставайтесь там. Я вылетаю.

Фу Гэ даже не успел увидеть его. Только телефонный звонок.

Ци Хань коротко сказал, что срочно уезжает на несколько дней, попросил его присматривать за собой и малышом.

Фу Гэ только вернулся из компании, купил свежей рыбы, хотел пожарить ему на ужин.

— Понял. Тогда ты... не забывай вовремя есть.

Телефонный звонок оборвался, и вместе с ним в груди, где-то в самой глубине, словно упал тяжелый свинцовый шар.

Маленькая ручка легонько дернула его за пальцы.

— А большой папа... Он тоже не будет ужинать с нами?

Под ногой хрустнула сухая осенняя ветка.

— Он слишком занят...

Заброшенные горы у рыбацкой деревни.

Ци Хань стоял на краю скользкого обрыва, неподвижно, будто врос в землю.

Водоотталкивающая ткань его куртки блестела под потоками воды, а с козырька натянутого капюшона дождь стекал вниз сплошной стеной.

Пятый день.

Пять дней, как они прочесывали эти горные склоны, размытые проливными дождями, превращенные в липкое, зыбкое месиво.

Пять дней, как их провизия стремительно иссякала. Завтра утром — крайний срок. Если они не найдут ничего до рассвета, придется уходить. Остаться здесь дальше — значит играть со смертью.

— Брат Ци.

Главный следопыт нагнал его, встал рядом, встряхнул с лица воду.

— Может, ты ошибся? Мы прочесали эту территорию трижды. Внутри и снаружи. Может, его здесь вообще нет?

Ци Хань сдвинул брови, запрокинул голову и допил последние капли воды из бутылки.

Он не был уверен, что найдёт его здесь, но этот рыбацкий посёлок — единственная зацепка, что у него осталась. Если не здесь, то больше нигде, дальше некуда, никаких следов, никаких надежд.

— Последний раз прочёсываем. Если ничего — возвращаемся.

Сказал — шагнул в сторону, не оглядываясь. Остальные переминались пару секунд, но потом кто-то хлопнул себя по бедру, выругался сквозь зубы — и все двинулись следом.

Чем дальше в горы, тем хуже дорога. Да какая там дорога — голая глина, разбухшая от воды, да заросли по пояс, не пройти, не продраться. Пришлось вязать себя в одну связку и идти вслепую, по одному шагу, наощупь.

Ци Хань шёл первым. За его спиной парнишка — молодой, совсем ещё щенок — дёрнул его за рукав:

— Воды дай...

Ци Хань обернулся — и в тот же миг его что-то ослепило.

Он замер. Парень тоже.

— ...Председатель Ци?

В следующий миг альфа рванул узлы, одним движением сдёрнул с себя верёвку и, не раздумывая, бросился в заросший ложбиной овраг. Под ногами поехала земля, он остутился, не успел схватиться за кусты и покатился вниз, глухо ударяясь о мокрую землю.

— Чёрт! Ци Хань упал! Быстро, за ним!

Всё смешалось — люди, лопаты, дикие голоса, шуршание мокрой травы, тяжёлое дыхание, хлесткий барабан дождя по листве.

Первым, кто добрался до низа, был тот самый парень, что просил воды. Внизу было тихо. Слишком тихо. Сердце пропустило удар — только бы не мёртв...

Он раздвинул мокрые стебли и застыл.

Ци Хань стоял на коленях в грязи, тяжело дыша, одной рукой закрывая глаза, другой — отчаянно, лихорадочно стирая налипшую землю с каменной плиты.

Памятник. Старый, забытый, вросший в глинистый склон. Песчаник, выщербленный временем, затянутый мхом и бурой, заскорузлой грязью. Годы стерли с него почти всё, оставив лишь несколько полустёртых, выбитых глубоко в камне символов.

Альфа дрожал. Его плечи вздрагивали от приглушенных вздохов — то ли рыдал, то ли смеялся, чёрт его разберёт. Парень сделал шаг ближе, но не осмелился заговорить.

В какой-то момент Ци Хань опустил голову, медленно, с пугающей осторожностью, как человек, боящийся потревожить сон мертвеца. Склонился перед камнем и, выдохнув, коснулся лбом влажной земли.

— Прости... — голос был глухим, сорванным. — Я слишком поздно...

Будто сама судьба сжалилась — ливень быстро стих, и сквозь тяжёлые бурые тучи вспыхнула радуга, тихо раскинувшаяся над ложбиной, словно невидимый мост между прошлым и настоящим.

Ци Хань молча наблюдал за этим, потом коротко выдохнул, стиснул челюсти и повернулся к команде:

— Чистим.

Сорная трава летела в стороны, лопаты вгрызались в раскисшую землю, вода стекала вниз по свежеврытым канавам. Он работал вместе со всеми, не останавливаясь, не отворачиваясь, не позволяя себе задуматься. Только когда всё было вычищено, выровнено, очищено до последнего комка грязи, он медленно отошёл, смахнул землю с ладоней, переоделся и, наконец, впервые за эти дни достал телефон.

— Малыш , — голос его был хриплым, словно обожжённым дождём. — Я пришлю за тобой людей. Возьмёшь Сяо Цзюэ и приедешь?

На том конце провода закралась лёгкая настороженность:

— Что-то случилось?

Ци Хань запрокинул голову, посмотрел в небо, где радуга всё ещё держалась на фоне тающих облаков.

— Просто... соскучился.

Фу Гэ приехал к вечеру. Радуга всё ещё не исчезла.

Закат разметал краски по небу, тёмное золото разлилось по верхушкам деревьев, густая тень заползала в ложбину — но всё это не казалось зловещим. Скорее... обещающим. Как знак того, что ливень наконец ушёл и больше не вернётся.

Ци Хань молча взял его за руку, повёл вперёд. Они шли по вычищенной тропе, шаг за шагом приближаясь к скрытому в высокой траве оврагу, и всё это время он не сказал ни слова.

Фу Гэ чувствовал, как в груди нарастает странное, сдавливающее чувство.

— А-Хань... Что случилось? Что здесь?..

Тот внезапно остановился, развернулся к нему.

И только когда тёмные глаза, покрасневшие от недосыпа и ветра, снова заволокла влага, вдруг усмехнулся — коротко, как будто насмешливо, но в этой насмешке было слишком много боли.

— Я не знаю... разрешишь ли ты мне идти с тобой.

Фу Гэ замер:

— О чём ты...

Но Ци Хань мягко, почти бережно толкнул его на шаг вперёд.

И тогда Фу Гэ увидел.

Вид спустившейся в ложбину вечерней дымки. Заросли, опалённые закатным светом. Маленький, едва различимый среди них холм.

И одинокую белую плиту.

Она была отчищена до ослепительного блеска. На ней всего три иероглифа, вырезанных грубо, словно рука, что их выбила, дрожала.

□□□ (Фу Циннянь)

Годы безмолвия сдвинулись, и солнце наконец коснулось этого места, до сих пор спрятанного от всего мира.

Фу Гэ стоял, словно парализованный, ощущая, как холодно в кончиках пальцев, как по коже расплзается ледяная дрожь.

Семнадцать лет, отделяющих их друг от друга.

Он упал на колени перед могилой, сдавленный всхлип вырвался из пересохшего горла.

— ...Папа.

<http://bllate.org/book/14453/1278367>